

*Обретенным семьям,
вашим и моим*

Иногда это ужасно больно.
Но оно того стоит.

*Бетти Бродбент,
она же Татуированная Венера
(1909–1983)*

Персонажи

Уиллоджин (Уилл) Паркер — саркастичная помощница Лилиан Пентикост, ее «ноги». Постигает профессию детектива по одному трудному уроку зараз.

Лилиан Пентикост — признанный гений и частный детектив. В мире нет места опаснее, чем между ней и правосудием.

Руби Доннер — Удивительная Татуированная Женщина, чья история жизни запечатлена на ее коже. Не глава ли из прошлого вонзила ей нож в спину?

Большой Боб Хэлловей — владелец и шпрехталмейстер (ведущий представления) передвижного цирка Харта и Хэлловея. Яркая личность, человек, который сделает все возможное, чтобы цирк продолжил работать.

Валентин Калищенко — наставник Уилл по метанию ножей, а теперь — главный подозреваемый в жестоком убийстве. Он скрывает много мрачных секретов. Готов ли он убивать, чтобы сохранить их?

Сэм Ли Батчер — самый юный и пылкий работник цирка. Даже убийство не мешает ему любить жизнь под куполом цирка.

Фрида, Невероятная Резиновая Девушка — когда-то они с Уилл были больше чем просто дру-

зьями. Но ее верность оказалась такой же гибкой, как и тело.

Мейв Бейли — Всевидящая мадам Фортуна. Она может читать знаки так же легко, как вы читаете меню. Как тогда так вышло, что она не предсказала смерть Руби?

Рэй Нанс — владелец Дома ядовитых существ. Он слаще сахара, но можно ли по-настоящему доверять человеку, чьи лучшие друзья ядовиты?

Чудесная Аннабель — помощница фокусника, отличается ловкими пальцами и острым языком. Ушки на макушке, глаз-алмаз — лучше вам не стоять у нее на пути.

Пэт Доннер, он же Док — ветеран Первой мировой войны, владелец кинотеатра, пьяница и любитель абсента, дядя Руби. Смерть племянницы разрешила множество его проблем.

Джо Энгл — герой войны, новоиспеченный полицейский и бывший возлюбленный Руби. Правую руку он отдал войне, но кому принадлежит его сердце?

Карл Энгл — отец Джо, нескладный пастор церкви Крови Агнца. Какое оружие он готов использовать, чтобы паства не сбилась с пути истинного?

Шеф полиции Томас Уиддл — «свой в доску» парень в ковбойской шляпе. За его прищуром скрывается острый и подлый ум.

Лерой Декамбр — смазливый бандит из провинции. Куда только он не запустил свои ловкие руки! Быть может, даже успел схватиться за нож?

Глава 1

— Обвинение вызывает свидетеля Лилиан Пентикост.

По залу суда прокатилась волна приглушенного шепота. Судья Харман, никогда не упускавший возможности стукнуть молотком, в этот раз оставил шум без внимания. Вообще-то людей не в чем было обвинять. Они сидели на жестких скамьях в зале суда как сельди в бочке вот уже три долгих дня, и июль 1946 года успел смениться на календаре августом, пока они продирались через скучные речи обвинения. В ожидании, когда начнется настоящая драма.

Потолочные вентиляторы отдали концы в середине первого дня, и две сотни репортеров, членов семьи и разного рода зевак обливались потом, пока судебное заседание по делу о самом громком убийстве в городе приближалось к кульминации.

Мой босс и была той кульминацией.

Все взгляды в зале были прикованы к Лилиан Пентикост, пока она шла к свидетельской трибуне, в четком ритме постукивая тростью по деревянному полу. В свои сорок с небольшим она умела произвести впечатление: высокая, стройная, с безупречной осанкой, которую подчеркивал покрой серого костюма в елочку и белая блузка с любимым кроваво-красным гал-

стуком. Ее длинные рыжие волосы были заплетены в лабиринт косичек, а узнаваемая седая прядь вилась среди них, как ручеек ртути.

Я даже заставила ее накраситься. Немного теней, чтобы подчеркнуть серые глаза, румяна, чтобы добавить драматизма ее орлиному профилю, и помада, чтобы ее рот выглядел чуточку менее суровым. Цель была серьезной, но вполне достижимой. Женщина, которой ты веришь, когда она объясняет, кто кого убил.

Стол защитников был островком спокойствия в океане болтовни. Адвокат Форест Уитсен развернулся, чтобы посмотреть, как мисс П. идет по залу; его лицо выражало уверенность с легким оттенком любопытства.

Он словно говорил присяжным: «Конечно, мне интересно узнать, что она скажет, но только чтобы потом объяснить вам, уважаемые, почему она ошибается».

Что касается обвиняемого, то его можно было запросто выставить в качестве рекламы перед киоском с сигарами, настолько он одеревенел. В последние несколько дней Барри Сендак наловчился выглядеть как несправедливо обвиненный горемыка. Сейчас его взгляд был пустым, губы сжались в тонкую линию.

Но нужно отдать ему должное: он не был похож на поджигателя. В этом-то и проблема.

Не то чтобы во внешности поджигателей есть что-то особенное. Но все-таки можно ожидать, что у того, кто сжег семнадцать человек заживо и оставил сотни без крова и родных, это каким-то образом отразится на лице.

Авторы Ветхого Завета были правы. Убийство должно оставлять печать.

Но я выдаю желаемое за действительное.

Последние три дня присяжные пытались найти в нем эту печать, но так ничего и не заметили. Они видели только мягкотелого и пузатого коротышку, который в тридцать лет уже начал лысеть и думал, что усы щеточкой восполнят недостаток волос. Он подчеркнуто выглядел как обычный чиновник, каковым и был, последние десять лет проработав инспектором по безопасности в пожарном департаменте Нью-Йорка. У него были водянистые карие глаза, как у лесной лани, и в своем костюме на размер больше он выглядел скорее как жертва, чем как хищник.

Я знала, что это не так.

Именно на него указала мисс Пентикост, и лейтенант Натан Лейзенби, один из лучших полицейских города по расследованию убийств, защелкнул на нем наручники. В тот момент никто не принял бы Сендака за жертву.

Однажды в детстве я помогала отцу вытаскивать барсука из норы в нашем саду. Он поедал наш салат, и отец решил, что пора это прекращать. Он встал позади меня с дробовиком в руках, я тащила барсука за лапы. Он вылез из норы, фыркая и царапаясь, и, если бы отец замешкался, спуская курок, грызун разорвал бы мне лицо.

Сендак выглядел совсем как тот барсук, когда Лейзенби уводил его. Как будто хотел впиться зубами в щеку мисс Пентикост и вырвать кусок мяса.

К сожалению, присяжные не видели это животное.

Другая проблема — и окружной прокурор дал понять, что она куда важнее, — была в том, что три многоквартирных дома, которые поджег Сендак, находились в Гарлеме. Все семнадцать погибших были

чернокожими. И если вы сумеете найти более белых присяжных, я выдам вам медаль.

Улики против Сендака были косвенные. Конечно, их было полно, но если бы вы усердно искали основания для сомнений, то смогли бы убедить себя и спокойно спать по ночам.

Потребовались серьезные усилия и несколько язвительных передовиц в газетах, чтобы убедить окружного прокурора дать делу ход. Даже тогда он нажал на кнопку только потому, что кое-чей палец надавил и склонил чашу весов в свою пользу.

Этот палец, как и четверо его товарищей, сейчас лежал на Библии, а их владелица клялась говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

— Вызовите меня свидетельницей, — попросила мисс Пентикост окружного прокурора. — Обещаю, я покажу присяжным, что за человек мистер Сендак.

Лилиан Пентикост не разбрасывалась обещаниями понапрасну, и окружной прокурор это знал. И вот мы здесь. Последний день, последний свидетель, и исход всего дела зависит от моего босса.

Кто-то однажды сказал мне, что леди не потеют, но, думаю, меня сложно назвать леди. Я взмокла, как и вся остальная публика.

Сидя на заднем ряду зала суда, я смотрела, как Говард Кларк, помощник окружного прокурора, вытянувший короткую соломинку, начал задавать мисс Пентикост обычные вопросы: что да почему. Все это было для меня не ново, и я воспользовалась возможностью перечитать телеграмму, которую этим утром доставил к нашей двери выбившийся из сил посыльный из «Вестерн юнион».

«Руби убита. Цирк сейчас в Стоппарде, штат Виргиния. Нужна помощь профессионала. БХ».

БХ — это Большой Боб Хэлловой, владелец и шпрехштальмейстер передвижного цирка Харта и Хэлловой. Еще в телеграмме был номер телефона, по которому с ним можно связаться.

Когда принесли телеграмму, мисс П. была наверху и пыталась собраться с силами. Я еще не показывала ей телеграмму. Не хотела отвлекать ее от предстоящего суда.

Я же, с другой стороны, могла позволить себе роскошь отвлечься на другие мысли.

Руби Доннер. Удивительная Татуированная Женщина.

Невероятный пейзаж из роз и рыбачек, сердец и русалок и пиратских кораблей, изумрудно-зеленая змея, извивавшаяся по ее левой ноге от кончиков пальцев до бедра и выше. Когда я в последний раз видела Руби, рисунков было больше трехсот.

С тех пор прошло четыре года. Мне было интересно, что она подумала бы о малышке Уиллоджин Паркер, нарядившейся для похода в суд в юбку и жакет, чтобы слиться с публикой на дешевых сиденьях.

Сидящие рядом репортеры посмеивались над моей одеждой.

— Решила замаскироваться под секретаршу? — спросил острослов из «Таймс». — Можешь сесть мне на колени и писать под диктовку, Паркер, когда только пожелаешь.

Я показала ему средний палец и негромко предложила сесть на него.

— Ну, не будь такой, Рыжуля. Я же просто шучу.

И это журналюги называют флиртом.

Я невольно пригладила непослушные рыжие кудри. Последние восемь месяцев я пыталась отрастить

волосы, и впервые со школьных времен они доставали мне чуть ли не до плеч. Мои пальцы тут же запутались, я с трудом выдернула их из волос. Я огляделась — не заметил ли кто, но все взгляды были прикованы к свидетельской трибуне.

Руби.

Однажды я спросила ее: «Зачем ты это делаешь? Наверняка ведь жутко больно».

Она улыбнулась так, что у меня мурашки пошли по коже.

— Еще как. Но не сильнее, чем от всего остального.

Тогда мы еще много о чем разговаривали, и в конце концов я выставила себя полной дурой. Но сейчас не стоит об этом думать. Кларк уже закруглялся, главное представление вот-вот начнется.

Уитсен подошел поближе к свидетельской трибуне с уверенностью, которая едва ли была напускной. У него была репутация лучшего адвоката в городе. «Нью-Йоркер» назвал его «Перри Мейсон из реальной жизни», и знающие люди это не оспаривали.

Вдобавок с него могли бы рисовать книжные обложки. Уитсен был высоким, широкоплечим и голубоглазым, с внешностью Гэри Купера. Конечно, среди присяжных не было женщин — хотя это ничего не значило, — но он излучал ауру хозяина положения. Люди охотно шли за ним, куда бы он их ни повел. Задача моего босса заключалась в том, чтобы вырвать из его рук поводья.

— Мисс Пентикост, верно? — начал он.

— Да.

Он кивнул и улыбнулся, бросив быстрый взгляд на присяжных. Я сидела не под тем углом, чтобы пере-

хватить этот взгляд, но представляла, что он означает. «Слишком много о себе возомнила, чтобы выйти замуж? Трудно доверять такой женщине».

А вслух он спросил:

— Кто нанял вас расследовать пожары?

— Никто.

— Никто? Вы потратили два месяца жизни просто по доброте душевной?

— Я решила узнать, кто стоит за пожарами, потому что погибали люди, — парировала мисс П.

— Вы впервые помогаете полиции, не имея клиента, который вам платит?

— Нет.

— Можно даже сказать, вы заработали определенную репутацию, самостоятельно занимаясь громкими делами, верно?

— Не уверена, что могу сказать, что у меня есть подобная репутация.

— Не скромничайте. Вряд ли в этом городе есть человек, который не слышал бы о вас, — сказал адвокат. — А работа над громкими делами — это путь к тому, чтобы у вашего порога появлялись новые клиенты, хотя и долгий путь. Верно?

— Я не спрашиваю клиентов, откуда они обо мне узнали, — ответила мисс П.

Я поморщилась. Притворство не делает ей чести.

— Ну конечно, не спрашиваете, — с улыбкой и выверенной долей добродушия сказал Уитсен в сторону присяжных.

«Та еще штучка», — нашептывала эта улыбка.

— Нет нужды говорить, что вы часто попадали в заголовки городских газет, — продолжил он. — Чем крупнее дело, тем громче заголовок. А это дело? О-хо-хо. Весьма крупное.